

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КИТАЕ ПЕРИОДОВ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.48647/ISSA.2023.32.13.007

Г.И. Саркисова

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ: ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ УЧЕНИКОВ 6-й РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ (1771—1781) КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КИТАЕ

Аннотация. Статья основывается на интересном архивном источнике: журнальных записках учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781), которые содержат сведения о различных областях жизни Цинской империи и касаются вопросов религии, социальных отношений, природных явлений и их последствий, а также демонстрируют интерес китайцев к России. Все эти данные о соседнем с Россией государстве были ценным вкладом в русское китаеведение.

Упоминания о данном источнике в той или иной степени встречаются в историографии, начиная с XIX в. Существует и публикация текста журнальных записок. В ней документ снабжен примечаниями, но воспроизведен не полностью без объяснения причин сделанной выборки, хотя не вошедшие в нее главы не менее интересны опубликованных.

Данная работа посвящена изучению журнальных записок, сохранившихся в фонде «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в их полном объеме с целью определения степени значимости для отечественного китаеведения содержащихся в этом источнике исторических фактов.

Ключевые слова: журнал, российские ученики, 6-я Российская духовная миссия, Цинская империя.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SINOLOGY: JOURNAL NOTES OF THE STUDENTS OF THE 6TH RUSSIAN ORTHODOX MISSION IN BEIJING (1771—1781) AS A SOURCE OF INFORMATION ON CHINA

Abstract. The article is based on an interesting archival source: the journal notes of the students of the 6th Russian Orthodox Mission in Beijing (1771—1781). The notes contain information about various areas of life of the Qing Empire including religion, social relations, natural phenomena and their consequences. They also demonstrate Chinese interest in Russia. This data about a neighboring country made a valuable contribution to the knowledge of Russian sinology.

The notes as a source of information are mentioned to different extent in historiography, starting from the 19th century. The journal notes have been published along with the comments, however their text is not reproduced in full and the criteria for selection is not explained. At the same time the chapters not included in the publication are no less interesting than the included ones.

This work is devoted to the study of journal notes in their entirety, preserved in the fund “Relations between Russia and China” in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), in order to determine the significance of the historical facts contained in this source for Russian Sinology.

Keywords: Journal, Russian students, 6th Russian Orthodox Mission, Qing Empire.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Центром становления русского китаеведения в XVIII в. стала Российская духовная миссия, обосновавшаяся в Пекине, по одним сведениям, с апреля 1715 г., по другим — с конца 1715 — начала 1716 г. [Бантыш-Каменский, с. 81; Бэй-гуань, с. 24] — времени прибытия в столицу Цинской империи ее первого состава во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). Официальный статус Российской духовной миссии был закреплен V статьей Кяхтинского трактата (1728), признавшей пребывание в Пекине русских священников и разрешившей обучение в цинской столице китайскому и маньчжурскому языкам шести русским ученикам [Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 44].

Развитие русско-китайских отношений усиливало интерес к Цинской империи, сведения о которой постепенно накапливались благодаря раз-

личным источникам, возникавшим в результате деятельности посольств и дипломатических курьеров¹, личных впечатлений и наблюдений приставов и членов духовных миссий, курьеров².

Коллегия иностранных дел была заинтересована в получении от Пекинской духовной миссии информации «о каких-либо в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах, образующих их мысли, поведение и действия правительства»³. Столь целенаправленное внимание ко всем проявлениям китайской действительности способствовало в итоге обогащению русских миссионеров значительным фактическим материалом. Он создавал источниковую базу, изучение которой в дальнейшем содействовало формированию научных представлений об истории, культуре, народонаселении Китая.

В связи с этим несомненный интерес представляют журнальные записки учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781). Упоминания о данном источнике в той или иной степени встречаются в историографии, начиная с XIX в. [Адоратский, гл. X.] Существует и публикация текста журнальных записок, находящихся в приложении к составленному И. Колосовым (1839) «Продолжению дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1764 по 1796 год». «Продолжение...» хранится в Российской государственной библиотеке в отделе рукописей в фонде К.А. Скачкова [Восточная коллекция. № 1. 2003, с. 68—76]. Текст журнала в публикации снабжен примечаниями [Тертицкий, с. 77], но воспроизведен не полностью без объяснения причин сделанной выборки, хотя не вошедшие в нее главы (3—6, 8, 9, 12—15, 17—19) не менее интересны опубликованных. Таким образом, эта публикация не может дать полного представления о содержании журнальных записок и их ценности для российского китаеведения.

Данная работа посвящена изучению журнальных записок, сохранившихся в фонде «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в их полном объеме с целью определения степени значимости для отечественного китаеведения содержащихся в этом источнике исторических фактов.

¹ «Роспись» И. Петлина (1619), «Статейный список» посольства Ф.И. Байкова (1654—1657), статейные списки посольств Н. Спафария (1675—1678), С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725—1729), журнал пребывания в Пекине курьера В.Ф. Братищева (29 августа—4 октября 1757 г.), журнал курьера И.И. Кропотова (1762—1764).

² «Осведомление или некоторое поверение вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине».

³ Такое наставление содержала инструкция Коллегии иностранных дел начальнику 7-й Российской духовной миссии (1781—1794) архимандриту Иоакиму (Шिशковскому). См.: *Адоратский Н.* История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887. Глава XI.

В ноябре 1771 г. в Пекин прибыла сопровождаемая приставом В. Игумновым⁴ 6-я Российская духовная миссия во главе с архимандритом Николаем (Цветом)⁵. В составе миссии находились четыре ученика. Трое из них учились в Тобольской духовной семинарии: Агафонов Алексей Семенович (1746—1792), 21 года, и Бакшеев Федор Иванович (1749?—1787), 20 лет, изучали философию, а Парышев Алексей Никитич (1751?—1809), 18 лет, изучал риторiku. Именно эти ученики, «исполняя верность к Отечеству своему, всеми силами старались о разведывании секретных действий и намерений» китайской стороны, «какая имеет о окрестных государствах, а особливо о России» [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 652]. Кроме того, ведением журнальных записок ученики выполняли секретное предписание Коллегии иностранных дел, в соответствии с которым через них пристав В. Игумнов должен был разведывать о здешних происшествиях и секретах [АВПРИ, л. 652]. В начале журнала ученики сообщили об источниках своих известий, почерпнутых в основном из дружеских бесед с китайцами и маньчжурами, поскольку «как ласкотою, так и подарками» приобрели русские миссионеры многих друзей, которые открывали им тайнства, касавшиеся «особливо до государства» [АВПРИ, л. 655 об.]. Кроме того, плодотворным для добывания новых сведений учениками было и посещение Лифаньюаня⁶, куда они каждое первое число месяца приходили за получением кормового жалованья.

В итоге, используя различные способы собирания информации от обычных разговоров с китайцами до выведывания «через великия подарки», ученики создали «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве, с 1772 до 1782 года веденой» [АВПРИ, л. 653—688] и передали его приставу Игумнову для отправления в Коллегию иностранных дел. Нельзя не отметить, что данный источник имеет ряд особенностей. Его название⁷, предполагающее изложение материала в определенном порядке по хронологии или тематике, не вполне соответствует этим критериям. Если бы ученики вели регулярную запись или восстанавливали факты по памяти, то события в журнале были бы изложены в хронологической последовательности. Однако в большинстве случаев этот принцип не соблюдается. Не связаны и тема-

⁴ Игумнов Василий Константинович (1729?—1803) — один из наиболее ярких представителей династии Игумновых, члены которой несли службу на русско-китайской границе на протяжении всего XVIII в.

⁵ Николай (Цвет) (?—1784) — священнослужитель Русской православной церкви.

⁶ Лифаньюань (*кит.*) (Палата, Трибунал внешних сношений, Трибунал по делам «зависимых» территорий, Мунгальский приказ) — центральное учреждение Цинской империи.

⁷ Журнал (*фр.* Journal) — дневник, поденная запись.

тически все 19 глав документа. На основании этого можно предположить, что журнал был создан в результате выполненного произвольным образом соединения разрозненных записей его составителей.

В самом начале своих заметок ученики отметили отсутствие каких-либо перемен в жизни Цинской империи с момента их приезда в ее столицу. Однако вскоре все изменилось: возобновилась война с народом *мяо* (называемым по-китайски «*миоудзы* или *мянь-дзы*» [АВПРИ, л. 653]), проживавшим в основном в горных областях Южного Китая. Война с этим народом, по сведениям учеников, затихала и начиналась вновь несколько раз, и во время пребывания 6-й Российской духовной миссии в Пекине китайский император⁸ трижды тщетно направлял по 100 тыс. воинов на борьбу с *мяо*. Только когда императорскую армию возглавил китайский военачальник Агуй (1717—1797), ситуация изменилась в ее пользу. Авторы журнала подробно описали, как хитростью и с помощью предателя Агуй победил непокорный народ [АВПРИ, л. 653 об—654]. Но особую ценность в повествовании об этой войне представляет рассказ непосредственного участника событий майора Телдунче, посетившего российский Посольский двор в ноябре 1780 г. Его сведения подтвердили ту информацию, которая уже была известна ученикам. Майор Телдунче отметил, что территория расселения восставшего народа была стеснительна для военных действий: «высокия стремнистья и к проходу неудобныя горы», по которым, однако, местные жители бегали быстро, как по ровному месту [АВПРИ, л. 658]. «И когда оне увидят нашу армию, — поведал он, — то все, збежав на превысокия горы, и оттоле из ружья стреляют и камнями из пращей мечут. Кроме тово, еще скатывают превеликия камни сверху на нашу армию, от коих весьма мало остается живых людей. И потому с оным народом наша армия не находила других пристойных способов к сражению как только для пальбы употребляли орудья и луки, а пушки никаким способом на толь высокия горы втаскивать невозможно было» [АВПРИ, л. 658—658 об.]. И далее майор Телдунче сообщил о том, как эта проблема была решена военачальником Агуем, приказавшим каждому воину взять с собой в горы по куску меди, из которой на месте изготовили пушки, решившие исход сражений в пользу императорской армии [АВПРИ, л. 658 об.].

По сведениям, полученным от офицера Церемониальной коллегии, потери китайской армии в этой войне были таковы: «чиновных и простых солдат пало на баталии 80 000 человек» [АВПРИ, л. 655]. Несомненного внимания заслуживает сообщение учеников о составлении по распоряжению цинского императора португальским иезуитом Феликсом да Роша

⁸ Имеется в виду император Хун Ли (1711—1799). Девиз годов правления Цяньлун (1736—1795).

(1713—1781) карты и описания завоеванной земли [АВПРИ, л. 654 об.]. Феликс да Роша уже имел хороший опыт такой работы, совершив совместно с другим иезуитом, Хосе Эспинья (1722—1788), в 1756 г. географическое изучение и картографирование присоединенных Цинской империей территорий Джунгарского ханства. При этом «карты и описания по съемкам Роша—Эспинья сразу по завершении работ португальских иезуитов попали в Россию» [Постников, с. 82].

Благодаря тесному общению как с китайцами, так и с маньчжурами ученики в какой-то мере ознакомились с историей Китайского государства. Их новые друзья подробно рассказывали, «что прежде падения Китайского царства происходило, не скрывали и то, как Маньжурское царство настало, не утаивали и то, что вперед происходить будет» [АВПРИ, л. 655 об.]. Однако упоминавшиеся ими исторические факты основывались, по их словам, на пророчествах даосского священника Ли Те-гуая⁹ и были связаны с именами верно предсказанных им правителей «новоначинаемой» столицы Китайского государства — Пекина¹⁰ [АВПРИ, л. 656]. Таким образом, полученное учениками представление об истории Китая было очень поверхностным.

Череду исторических событий, связанных с народными волнениями, в журнале продолжили повествования о происшедшем в 1777 г. в Цинской империи бунте в пров. Шаньдун [АВПРИ, л. 673—677] и «великом» бунте и нападении на пров. Ганьсу саларских татар¹¹ в мае 1781 г. [АВПРИ, л. 659—660]. Восстание 1777 г., как видно из описанных событий, имело антиманьжурскую направленность и было стихийным [АВПРИ, л. 674 об.—675]. Из фактов, приведенных авторами журнала, следовало, что к поражению восставших, которых было «тысещ до четырех» [АВПРИ, л. 677], привело главным образом отсутствие организации и военного опыта. В результате все они были казнены.

Выступление саларских татар могло быть связано, по слухам, приведенным учениками, как с религиозными разногласиями, так и с недовольством местной властью [АВПРИ, л. 659—659 об.]. Последнее обстоятельство, названное на допросе мятежниками и указывавшее на то, что «тамошних начальников обиды им несносны стали», было, по мнению составителей журнала, наиболее правдоподобным [АВПРИ, л. 659 об.]. Однако восстание 1781 г. было следствием конфликта между сторонниками «нового» и «старо-

⁹ Б.Л. Рифтин полагал, что «образ Ли Те-гуая сложился, видимо, к XIII в. на основе преданий о различных бессмертных — хромцах». См.: Духовная культура Китая. М., 2007. Т. 2. С. 498.

¹⁰ В начале XV в. Пекин стал столицей Китайской империи.

¹¹ Тюрко-язычный народ в Китае. «Саларская татара имеют свое место блиско губернии Ганьсу за Калганской стеной на западе и за рекой Хуан Хо» [АВПРИ, л. 659].

го» учения¹² в мусульманской общине Китая, приведшего к вмешательству правительственных войск для его урегулирования. При этом маньчжуры защищали сторонников «старого» учения. Пытаясь освободить арестованного цинскими властями основателя ордена «джахрия» (обычно называемого «новым» учением) Ма Минсиня¹³, восставшие дошли до центра пров. Ганьсу г. Ланьчжоу, где были разбиты правительственным войском (40 тыс. человек), возглавленным военачальником Агуем [АВПРИ, л. 660].

Интересные особенности, касавшиеся религиозных представлений в Цинской империи, отметили ученики, повествуя о приезде в Пекин по приглашению цинского императора в 1780 г. тибетского Панчен-ламы¹⁴. «Как манжуры, так и мунгала говорят, — записано в журнале, — что сей лама уже на свете живет семнатцатой век. А хотя иногда и умирает, то оное значыт — не умирает, но перерождается и знает семнатцати веков все случившиеся дела, чему манжуры и мунгала весьма верят и за что его почитают аки настоящего живаго Бога» [АВПРИ, л. 677]. Подробно описанный учениками прием Панчен-ламы цинским императором Цяньлуном свидетельствует, с одной стороны, о традиционных китайских взглядах на контакты с зависимыми государствами (каковым был Тибет) и их представителями¹⁵, а с другой стороны, показывает уважительное отношение императора к самому Панчен-ламе¹⁶. Последнее было связано в значительной степени с тем, что сам император Цяньлун исповедовал тибетский буддизм, получивший небывалый подъем в период его правления [Успенский, с. 25]. В журнале упоминается храм, воздвигнутый императором к приезду Панчен-ламы [АВПРИ, л. 678].

¹² «Новое» учение выступало за чтение Корана вслух, а «старое» — за чтение про себя. См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М., 2014. С. 124.

¹³ Ма Минсинь (1719—1781) — мусульманский вероучитель. После 16-летнего обучения в Мекке и Йемене возвратился в Китай в 1761 г., основал орден «джахрия» [URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/253330>].

¹⁴ Имеется в виду Панчен-лама VI Лобсанг Палден Еше (1738—1780). Панчен-лама — это титул второго (после Далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 799.

¹⁵ В журнале отмечается тот факт, что цинский император, узнав от своего старшего сына, встретившего Панчен-ламу на границе, о семидесятитысячной свите приглашенного, «просил ламу, чтоб оставил излишних ламов на дороге». Панчен-лама, «не споря о сем, оставил многих, а сам поехал некак в малой свите в Пекин». См.: Ф. Соношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 677 об.

¹⁶ Отмечено, что в Жэхэ, летней резиденции императора, Панчен-лама «свиделся с государем без всякой уничиженности, но аки равный прибыл к равному». Ученики также написали, что цинский император оказывал Панчен-ламе такое почтение, «какое прилично есть и государю по примеру азиатскому, только единого не доставало до чести государевой, что на престол его не садил». — АВПРИ, л. 678.

Насколько сильна была вера императора и его окружения в сверхчеловеческие способности Панчен-ламы, демонстрируют несколько эпизодов, приведённых в журнале. Так, старший сын императора обратился к Панчен-ламе с просьбой об излечении заболевшего сына. «Видя ...неотступное прошение царевичево», как написано в журнале, Панчен-лама «не сказал, что ето не в ево власти состоит и не может учынить, чтоб он вдруг выздоровел», но дал лекарство. Больной его выпил и вскоре умер [АВПРИ, л. 678 об.]. Отец умершего еще надеялся на его оживление Панчен-ламой, который, однако, «некакого средства и ответа не находил, а давал только сему царевичу двести лан серебра» [АВПРИ, л. 678 об.].

Не получил ответов от Панчен-ламы на свои вопросы и император Цяньлун. Не узнал он, «сколько еще веков манжуры будут Китайским обладать государством», поскольку Панчен-лама «сказал, что я обо всем знаю, иначе сказать нельзя» [АВПРИ, л. 679]. А относительно просьбы императора о даровании ему бессмертия Панчен-лама «говорил, что ето удобно, но поелику ты теперь обовязан мирскими делами, и всегда ты много грешышь, когда ты оставишь свой престол и препоручышь другому царю, то есть сыну своему, тогда можно доспеть безсмертным. Точию в сем веку ты еще прожыви сорок лет» [АВПРИ, л. 679—679 об.].

Неожиданная болезнь Панчен-ламы и быстрая кончина (от оспы) повергли императора в смятение. Он плакал над мертвым и в недоумении вопрошал: «...я тебя будто бы для тово и просил, чтоб ты здесь у меня умер. Но скажи, чево ради ты так учынил, или я тебя чем прогневал, или что противное кто тебе учынил?» [АВПРИ, л. 679 об.]. Император воздал умершему последние почести «и опять ево с великою церемониею и честию назад проводил» [АВПРИ, л. 680].

Не оставили без внимания российские ученики и события в жизни Цинской империи, связанные с природными катаклизмами. 1779 г. был ознаменован такими стихийными явлениями, как падение метеорита и сильный пожар. Метеорит летел с северо-запада через столицу. Как записано в журнале, «от летущей оной метеоры искры сыпались преужасной гущины, а свет от оной казался как от пламени горящаго». О месте падения метеорита неизвестно, слышен был лишь такой гул, «как от выпала из превеликой пушки» [АВПРИ, л. 680 об.]. Авторы журнала отметили отношение китайцев к этому происшествию как к плохому предзнаменованию. И действительно, в скором времени произошел пожар в Пекине, в котором сгорело много купеческих лавок и домов столичных жителей [АВПРИ, л. 680 об.]. Но этим событием беды китайцев не закончились. По представлению учеников, в 1780 г. «в летних средних месецах дождь лил несколько дней безпрестанно». Многие дома в Пекине и во всем государстве, построенные «на глине без извеки», во время этого дождя

размокли и развалились [АВПРИ, л. 681]. Кроме того, «вытопило» и посеянный хлеб, что вызвало голод среди населения. Император приказал «на всякую душу в месяц по семи давать мерок из казенных анбаров в зимнее время» [АВПРИ, л. 681 об.]. Но даже эти меры не могли полностью решить проблему народного голода.

Очень ценные известия относительно приостановки по приказанию китайского императора в 1778 г. российско-китайской торговли в Кяхте получили ученики от китайского чиновника из Лифаньюаня в июне 1779 г. Он показал им рапорты ургинских пограничных управителей императору, в которых они выражали недовольство действиями «одново российскова майора» [АВПРИ, л. 662 об.]. Речь шла, по всей видимости, о пограничном комиссаре майоре С.Ф. Власове¹⁷, проявлявшем не устраивавшую китайскую сторону твердость и несговорчивость при решении разнообразных пограничных вопросов. Помимо этого обстоятельства, приостановка кяхтинского торгового дела была связана, по добытым авторами журнала из другого источника сведениям, со стратегическими планами самого китайского императора. В ответ министрам, отметившим определенную выгоду этого торгового дела для Китайского государства в цене на мягкую рухлядь¹⁸, император сказал: «Я стараюсь о том, чтоб кяхтинская рухлядь по времени была для нас дарова» [АВПРИ, л. 663 об.]. А достижение этой цели представлялось ему таким образом: «...Часто буду кяхтинский торговый двор отворять и запираю и тем самым приобучать Россию, и когда часто будет так делатца, то Россия неотменно запертые границы будет почитать за обыкновенное дело и для охранения их мест для нас не будет готовить войска, и когда Россия, приобывнув, не будет предостерегаться, тогда мы удобно можем получить те места, откуда в Россию рухлядь выходит» [АВПРИ, л. 663 об.—664]. Узнав такой «секрет», русские ученики намеревались уведомить о нем российское правительство через людей, отправлявшихся в Кяхту. Но не отважились сделать это, опасаясь того, чтобы их послание не попало бы в Лифаньюань [АВПРИ, л. 665].

Следует отметить, что подобный способ давления на Россию, как прекращение с ней торговых отношений для достижения своих целей, Цинская империя во второй половине XVIII в. использовала неоднократно. Только с 1744 по 1792 г. кяхтинская торговля 10 раз приостанавливалась цинскими властями: «в 1744 г. (на 17 дней), 1747 г. (на 2 дня), 1751 г. (на 1 день), 1753 г. (на 5 месяцев и 3 дня), 1756 г. (на 1 месяц и 7 дней), 1759 (на 11 дней), 1762 г. (на 6 лет), 1775 г. (на 3 дня), 1778 г. (на 2 года и

¹⁷ О нем подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Некоторые аспекты формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам). // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* М., 2014. Вып. XIX. С.364—367.

¹⁸ Мягкая рухлядь — пушнина, меха.

13 дней) и в 1785 г. (на 7 лет)» [Новая история Китая, с. 64]. Это обстоятельство не способствовало в тот период укреплению отношений между двумя государствами.

Вместе с тем в журнале отражена и важная информация о состоянии китайского войска на границе во время приостановки кяхтинского торгова в 1765 г. Об этом ученики узнали от двух солдат (маньчжура и монгола), ненадолго приехавших в Пекин с границы в январе 1776 г. По их словам, в 1765 г. их лагерь были переведены поближе к границе, и в каждый лагерь, по распоряжению императора, предписывалось «кроме старых сорока тысяч, из разных родов, яко-то из манжуров, мунгалов и солонов набрав, прибавить по сороку тысяч человек, кои також-де все приведены были к границам. И в то время такая была строгость, что переменнo одна половина воинства всегда была в военном наряде и в стройной готовности, а другая половина отдых имела, и во время несогласия нашей армии фельдмаршал со дню на день о вступлении в баталию ожидал повелительнова указа» [АВПРИ, л. 667—667 об.].

После возобновления русско-китайской торговли в Кяхте в 1768 г. дополнительные войска с китайской границы были возвращены на свои прежние места, а основной пограничный контингент остался, рассредоточившись лагерями в четырех местах: первый — напротив Нерчинска, второй — напротив Кяхты, третий — между Кяхтой и Усть-Каменогорской крепостью, четвертый — на р. Или. Каждый лагерь, как рассказали солдаты российским ученикам, отстоял от границы на 300 верст и состоял из сорока тысяч человек: по десять тысяч маньчжур и китайцев и двадцать тысяч монголов, сгруппированных в трех куренях¹⁹. В каждом курене строго пресекалось нарушение дисциплины: «чтобы мунгалы безпричинно не имели вход в китайской курень, а китайцы — в манжурской», нельзя было без ведома за версту отходить от лагеря, хотя, по мнению солдат, все эти ограничения были излишни из-за отсутствия на тот момент ссор и несогласий между их государствами [АВПРИ, л. 666 об.—667]. Так, авторам журнала удалось в некоторой степени ознакомиться и с состоянием дел на границе.

Интересными сведениями различного характера наполнены в записках беседы учеников с солонами²⁰, которые в ноябре 1780 г. приезжали с нерчинской границы на «смотр пред государя и для повышения в чыны», а «между досугами» заходили на российский Посольский двор. От них

¹⁹ Курень (*торк.*) — войсковое подразделение и его жилое помещение.

²⁰ Солоны — этнографическая группа эвенков. «Таежные солоны и дауры бассейна Нонни и Сунгари были приписаны к восьми знамёнам в ходе экспансии Цинской империи в конце XVII в. Они были подчинены особому наместнику (*цзунгуань*) с резиденцией в Бутэха к северу от Цицикара». См.: Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 75.

ученики услышали почтительные отзывы о русских воинах: «Мастера от неприятеля отбиваться и употребляют на баталии ружья, пушки и в пальбе очень поспешны» [АВПРИ, л. 682 об.]. Кроме того, ученикам стало известно и похвальное мнение солонов старшего поколения относительно русских: «китайцы всию то могут доспеть²¹, что на яву увидят, а русские не только то могут доспеть, что увидят на яву, но что и во сне видят, то доспеть в состоянии» [АВПРИ, л. 682 об.—683].

На проявленный авторами журнала интерес к тому, «имеются ли рудники золотые и серебряные» на территории Маньчжурии, солоны ответили отрицательно. Но при этом они сообщили, что «в Манжурию каждой год государь из Пекина аки бы на жалование отпускает серебра седм тысяч девять сот телег, котораго серебра малая часть выходит на жалование тамошних людей, а остатне, кое залишком, на сохранение для предков кладут в анбары. И онаго серебра многие уже анбары наполнены» [АВПРИ, л. 683]. Не обсуждая степень достоверности этого известия, ученики вместе с тем отметили, что на самом деле «слыхали от многих здешних китайцов и манжур, что в тамошних местах есть всякая руда, но государь здешний не велит оных открывать» [АВПРИ, л. 683].

Помимо сведений о природных запасах, ученикам в дружеской беседе удалось получить некоторое представление о воинских обязанностях солонов и их повседневной жизни. Воинский долг солонов состоял в несении караульной службы, которая осуществлялась караулами по сто человек в каждой смене. Члены караулов не только стояли на своих постоянных постах, но и ездили в объезд «безпрерывно». За свою работу они получали из казны «по лане на месец». Кроме того, тем из них, кто не пахал пашню, выдавался из казны провиант по мешку в месец. Солоны также добывали себе еду охотой, а поскольку в тех местах покупать было нечего, их жалованье не расходовалось. В целом, по заключению солонов, они были всем довольны [АВПРИ, л. 683 об.].

Военные планы Цинской империи относительно России солонкам были не известны. Однако они сообщили, что «для всякой опасности» у них «в солонском месте приготовлено артиллерии или военного орудия очень довольно, но не только чтоб пушки, ружья были, да еще и материалу для вылития разных орудий» [АВПРИ, л. 683 об.]. Удовлетворили солоны и любопытство русских учеников по поводу их экипировки во время сражений с неприятелем, когда все они получали «панцыри»: «инным железные, инным на бумаге хлопчатой толсто стеганные, инным на шелковых червей кошелках стеганные» [АВПРИ, л. 684]. По замечанию солонов, железные панцыри надевали далеко не все из-за того, что после них болели руки и грудь.

²¹ Доспеть — дозреть, дойти, соорудить.

Получили авторы записок и ответ на вопрос об организации китайского войска во время сражений. Выяснилось, что маньчжуры, китайцы и монголы «наблюдают стройность и порядок», а о себе солоньки сказали: «Бегаем около неприятельской армии, бьем неприятельскую силу» [АВПРИ, л. 684]. Само же войско строилось в определенном порядке: впереди всегда были китайцы, за ними монголы, за монголами — маньчжуры. Солоньки же во время сражений на ровной местности бились на конях, в других случаях — пешими.

Вместе с тем журнальные записки зафиксировали и интерес китайцев к русским и России. В частности, как в них отмечено, китайский император получил от русских перебежчиков прошение с изложением причин их бегства из России. Одна из этих причин состояла в том, что «в Российском государстве старая вера переменилась, и в изображении креста не так слагают персты, как деды и прадеды их слагать научали» [АВПРИ, л. 669 об.]. Император повелел своим подданным собрать сведения о том, «как то вера переменилась, и что то значит изображение креста» [АВПРИ, л. 669 об.]. Причем необходимую информацию по ханскому секретному указу получали двумя путями: офицер из придворной канцелярии выяснял эти вопросы у российского ученика, призванного в Лифаньюань, а в то же самое время другой офицер опрашивал учеников «о вере и о кресте» на Посольском дворе «для большаго удостоверения». Ответы, полученные офицерами, были одинаковые. О них доложили императору [АВПРИ, л. 669 об.— 670].

С таким же пристрастием два придворных офицера по секретному распоряжению китайского императора выясняли, посетив российский Посольский двор, какое кожаное платье, что «оружейная пуля не берет», надевают русские воины во время сражений. Их интересовало, «какова зверя эта кожа, и где етот зверь живет» [АВПРИ, л. 665 об.]. «Едва от смеху удержавшись», ученики, тем не менее, постарались дать правдивый ответ: «Етот зверь живет в Сиверном море подо льдом²², которой временем и на берега выходит, и когда выйдет, тогда ево промышленныя ловят». К тому же ученики добавили, что кожи данного зверя их государство по большей части ежегодно получает в качестве дани от «вновь покореннаго владения²³ на островах Сивернаго моря» [АВПРИ, л. 665 об.].

²² Речь идет, по всей видимости, о моржах, кожа которых очень морщинистая и толстая (на шее и плечах самцов до 10 см). Например, у чукчей наиболее распространенным был доспех из моржовой кожи как наиболее дешевый // *Нефёдкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 48.

²³ По-видимому, речь идет об Алеутских островах, которые со времени Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга (1741) до середины XVIII в. постепенно были открыты русскими.

Глубоким сожалением о покинутой ими «изобильной России» были проникнуты речи двух калмыков, встреченных русскими учениками в Лифаньюане. Калмыки приходили туда, по их словам, каждый день за резолюцией на поданную от имени соотечественников жалобу о разорении их калмыцкими ханами. Собеседники поведали авторам журнала как печальную историю их ухода из России, так и печальный итог этого ухода. «Когда Россия начинала производить баталию с турком²⁴, тогда требовано было из орды нашей в оную армию на помощь несколько тысяч человек. На что как хан наш²⁵, так и начальники ево не соглашались и от сево в нашей орде зделалось между всеми несогласие» [АВПРИ, л. 668]. Хан Убаши с единомышленниками задумал побег в Китайское государство²⁶. Но не все калмыки хотели покинуть Россию. В таком случае их принуждали силою, а многие делались послушными, боясь наказания. Оказавшись в Цинской империи, и простые калмыки, и их ханы попали под присмотр и команду «маньчжурских генералов», которые с калмыцких ханов почти грабежом собирали скот и вещи, а калмыцкие ханы возмещали свой ущерб за счет простых калмыков, пришедших от этого в «великое разорение» [АВПРИ, л. 668].

Таковы основные исторические факты, воспроизведенные учениками 6-й Российской духовной миссии в Пекине в своем журнале. Они содержат сведения о различных областях жизни Цинской империи и касаются вопросов религии, социальных отношений, природных явлений и их последствий, а также демонстрируют интерес китайцев к России. Все эти данные о соседнем с Россией государстве были ценным вкладом в русское китаеведение, в истории которого, помимо этого источника, остался след и каждого из составителей журнала в отдельности: А. Агафонова как автора нескольких переводов с маньчжурского языка, Ф. Бакшеева и А. Парышева как авторов рукописных маньчжурско-русских словарей [Скачков, с. 78—79].

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 653—688.

Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887.

²⁴ Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг., в ходе военных действий которой принимала участие калмыцкая конница.

²⁵ Имеется в виду наместник Калмыцкого ханства, внук хана Аюки хан Убаши (1744—1774).

²⁶ В январе 1771 г. началась откочевка большей части калмыков из русского Поволжья в Джунгарию.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань. 1882. 565 с.

Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.: Альянс-Архео. СПб, 2006. 218 с.

Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 69—79.

Духовная культура Китая. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. 869 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М.: Наука — Восточная литература, 2014. 886.

Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 346 с.

Новая история Китая. М., 1972

Постников А.В. Первые шаги России в Средней Азии в первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 2 (45), 2019. С. 81—87.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

Саркисова Г.И. Некоторые аспекты формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2014. Вып. XIX. С.359—379.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. 1038 с.

Тертицкий К.М. Журнал секретных наблюдений. Вступительная статья к публикации заметок членов Русской православной миссии в Китае в XVIII в. // Восточная коллекция. № 1. 2003, с. 66—77.

Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644—1911) в культурно-историческом контексте эпохи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: Институт востоковедения РАН, 2004. 44 с.

References

Arhiv vneshney politicy Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*, Op. (Inventory) 62/2, 1773—1782, D. (File) 21, L. (p.) 653—688.

Adoratskiy N. (1887). *Istoriya Pekinskoy dukhovnoy missii vo vtoroy period yeye deyatel'nosti (1745—1808)* [The history of the Beijing Orthodox Mission in the second period of its activity], Kazan, Vol. 2. (In Russian).

Bantysh-Kamenskiy N. (1882). *Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792*, Kazan. 565 p. (In Russian).

Bey-guan'. *Kratkaya istoriya Rossiyscoy dukhovnoy missii v Kitae* (2006) [Bei guan. *A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China*], Moscow: SPb, 218 p. (In Russian).

Golikov A.P. (2013). O meneye izvestnykh etnopoliticheskikh gruppakh v vos'mi znamyonakh [*Golikov A.P.* About lesser-known ethnopolitical groups in eight banners], *Izvestiya Vostochnogo instituta [News of the Oriental Institute]*, No.:1:(21) 69—79. (In Russian).

Dukhovnaya kul'tura Kitaya (2007) [Spiritual culture of China.], Moscow: Oriental literature, Vol. 2, 869 p. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremyon do nachala XXI veka. Dinastiya Tsin (1644—1911) (2014) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Qing dynasty (1644—1911).], Moscow: Science— Oriental literature, Vol. VI. 886 p. (In Russian).

Nefyodkin A. K. (2003) *Voyennoye delo chukchey (seredina XVII—nachalo XX v.)* [*Nefedkin A.K.* Military affairs of the Chukchi (mid-17th — early 20th centuries)], SPb.: Petersburg Oriental Studies, 346 p. (In Russian).

Novaya istoriya Kitaya (1972) [New history of China], Moscow: Science, 670 p. (In Russian).

Postnikov A.V. (2019). *Pervyye shagi Rossii v Sredney Azii v pervoy polovine XIX v.* [*Postnikov A.V.* Russia's first steps in Central Asia in the first half of the 19th century], *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj respubliki [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]*, No 2 (45): 81—87. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2004. 694 p. (In Russian).

Sarkisova G.I. (2014). *Nekotoryye aspekty formirovaniya kadrovoy politiki Kollegii inostrannykh del na Kitayskom napravlenii vo vtoroy polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam)* [*Sarkisova G.I.* Some aspects of the formation of the personnel policy of the Collegium of Foreign Affairs in the Chinese direction in the second half of the XVIIIth century. (based on archival materials).], *Kitay v mirovoy I regionalnoj politike. Istoriya I sovremennost. [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XIX: 359—379. (In Russian).

Skachkov P.E. (1977). *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [*Skachkov P.E.* Essays on the history of Russian Sinology], Moscow: Science, 505 p. (In Russian).

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (1967) [Soviet historical encyclopedia], Moscow: Soviet encyclopedia, Vol. 10, 1038 p. (In Russian).

Tertitskiy K.M. (2003). *Zhurnal sekretnykh nablyudeniy. Vstupitel'naya stat'ya k publikatsii zametok chlenov Russkoj pravoslavnoy missii v Kitae v XVIII v.* [*Tertitsky*

K.M. Journal of Secret Observations. Introductory article to the publication of notes by members of the Russian Orthodox Mission in China in the XVIIIth century.], *Vostochnaya kolleksiya* [*Oriental collection.*], No. 1. 66—77. (In Russian).

Uspenskiy V.L. (2004). Tibetskiy buddizm v Pekine pri dinastii Tsin (1644—1911) v kul'turno-istoricheskom kontekste epokhi [*Uspenskiy V.L.* Tibetan Buddhism in Beijing during the Qing Dynasty (1644—1911) in the cultural and historical context of the era], *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doctora istoricheskikh nauk*. [*Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences*], St. Petersburg: Institute of Oriental Studies RAS, 44 p. (In Russian).